

Э.М. Жиликова

## МОТИВ «РОДНОГО КРАЯ» В ПИСЬМАХ А.П. ЕЛАГИНОЙ К В.А. ЖУКОВСКОМУ

Томский государственный университет

Переписка Авдотьи Петровны Елагиной и Василия Андреевича Жуковского, длившаяся с 1803 по 1852 г., предоставляет интереснейший материал для характеристики нравственно-философских, эстетических, педагогических исканий русского общества первой половины XIX в. Особое значение этот эпистолярный имеет для изучения личности и творчества Жуковского. Активный диалог двух деятелей русской культуры, не смолкавший на протяжении полувека, обнаруживает не только крепкие родственные связи (А.П. Елагина, урожденная Юшкова, приходилась поэту племянницей по отцовской линии), но и глубочайшую духовную привязанность, близость их нравственно-философских и эстетических представлений.

Содержание и поэтика писем делает понятным своеобразие романтизма Жуковского, проясняет вопрос о нравственно-философских истоках сентиментальной, радостно-меланхолической окрашенности его поэзии, уходящей корнями не только в литературную традицию, но также в быт и культуру русского дворянства, одним из хранителей которых являлась А.П. Елагина.

«Милая Дуняша» (так ласково обращался к Елагиной Жуковский, независимо от возраста – и когда она была совсем юной матерью детей Киреевских, и когда называла себя «старухой») занимала особое место в судьбе поэта. Необычайно привязанная и преданная Жуковскому, понимающая масштаб его поэтического таланта и личности, Елагина не просто осуществляла непрерывную связь поэта с родиной, но в самом этом акте видела условие сохранения его души. В свою очередь, для Жуковского Елагина являлась воплощением идеального бескорыстия, человеком высокой нравственной ответственности и поэтической устремленности к прекрасному (Жуковский называл иногда это «экзальтацией»). Вместе с тем она предстает в письмах неотделимо от быта и повседневности, человеком создающим и стремящимся строить жизнь по принципам христианской морали.

В переписке Жуковского и Елагиной выстраивается целая система сквозных мотивов. Одним из ведущих является мотив «милого края родины». На пространстве эпистолярного ведущая и активная роль в развитии этого мотива принадлежит Елагиной. Позиция Жуковского в его разработке разворачивается и на страницах писем (он постоянно расспрашивает о делах и здоровье близких и друзей, находится в курсе происходящих событий, объявляется крестным отцом детей, рождающихся в семьях родственников, оказывает помощь и протекцию землякам в Петербурге и т.д.),

и в стихотворениях. Для Елагиной письма – это ее и проза и поэзия одновременно.

Переписка отражает и одновременно стимулирует процесс взаимодействия эпистолярной прозы и лирики. Эстетической вершиной этого процесса становится возведение обыкновенного и бытового в поэтический план. Постоянный контакт Жуковского с особой атмосферой духовной жизни Елагиной и ее окружения оберегает поэта от крайнего романтического субъективизма, поддерживает в его художественном мировосприятии чувствительность и привязанность к земному, поиски и утверждение высокого и идеального в близком. Письма Елагиной обнаруживают и отражают динамику развития мотива «родной край», трансформацию его от локально-бытового содержания к нравственно-философской символике.

Пространство «родного края» в письмах Елагиной и Жуковского имеет вполне определенные историко-географические очертания: это центральная часть европейской России на границах Калужской, Тульской и Орловской губерний. Здесь прошло детство и юность поэта и теперь проживали семейства Киреевских-Елагиных, Плещеевых, Азбукиных, Протасовых...

Дворянские гнезда, деревенские усадьбы, рощи, холмы, реки, небольшие города (Белев, Ливны) – все это, вместе взятое, пересеченное и одновременно связанное дорогами, образует своеобразную целостность, ансамбль, характеризующийся, с одной стороны, замкнутостью, устойчивостью традиций культурно-бытового проживания, а с другой – подвижностью, открытостью к большому пространству России и Европы, а также способностью к внутреннему обновлению и созиданию. В письме от 15 апреля 1814 г., желая дать Жуковскому представление о неизменном и привычном ритме жизни обитателей родного края, Елагина, оттеняя юмором внешнюю бессобытийность, рисует картину, положив в основание ее маршрут путешествий по «милому краю родины»:

«...мы живем попрежнему в четырех стенах. Ездим из Мишенского в Долбино, из Долбино в Мишенское, из Мишенского в Игнатьево, из Игнатьево в Мишенское, из Долбино в Володьково, из Володьково в Долбино, из Долбино в Чернь, из Черни домой и прочие неистовства...» [1, № 16, л. 3].

За рисунком внешне однообразного движения – челнок, направленный в разные стороны, но возвращающийся неизменно в Мишенское или Долбино, – обнаруживается экзистенциальный смысл. Речь идет о постоянстве, единстве духовных связей, о непрерывающемся общении обитателей этого края.

Исторически, в силу жизненных обстоятельств, но еще более по свойствам личности, А.П. Елагиной суждено было стать хранителем и создателем этого духовного ансамбля – и тогда, когда в «пасмурный Дерпт» уехали Протасовы, в Петербург – Жуковский, в Одессу – сестра А.П. Зонтаг (Юшкова), и тогда, когда сама Елагина надолго отлучалась в Москву. Она помогала угнездиться Азбукиным, поддерживала Черкасовых и Плещеевых, принимала возвратившихся на родину после утрат Е.А. Протасову и И.Ф. Мойера с Катей и дочерьми Саши Воейковой, а потом при ее участии осели в родовых гнездах молодые Киреевские, Елагины (сын Василий с Катей Мойер). Неустанно предлагала Елагина Жуковскому купить Мишенское или что-либо другое поблизости, но обязательно с рощей, рекой, холмами, такое, что походило бы на родной край. Так пишет она Жуковскому 6 сентября 1818 г.: «Иногда, Жуковский, и это в самые веселые часы жизни, покупаю я вам здесь деревню; ожидая вашего возвращения на родину, строю по вашему плану домик, хозяйничаю, устраиваю и, наконец, наслаждаюсь счастьем перетащить сюда моего брата, окружить его прямою, истинною жаркою любовью и восхищаться на свободе и в тишине плодами его бесценного Гения» [1, № 20, л. 13 об.].

Мотив «родного края» в письмах Елагиной имеет характер нравственно-философской и эстетической концепции. Постоянно акцентируется мысль о том, что связь Жуковского с родным краем является источником и условием поэтического вдохновения его. В том же письме Елагина продолжает: «Часто я уверена бываю, что ту же восхитительную мечту моего сердца скажет вам и здравый рассудок: без уединения нет возможности высоко лететь вашей Музе, в огороженном пространстве далеко не уйдешь! Мне кажется, что вы исполните мои надежды, для того даже, чтобы спасти вашу славу» [1, № 20, л. 13 об.].

Здесь довольно четко обозначена антитеза столичного, петербургского, пространства и родного края, с его уединением и свободой. В целом ряде писем Елагина развивает эту антитезу. Петербургу с «поддельными цветами», «мишурным блеском, даже и не ослепляющим» [1, № 16, л. 19] противостоит «здесь». И это «здесь» – «наш очарованный край! Все дышит поэзией, гармонией, восхищением. И я бы, особливо в Мишенском, охотно бы улетела в прелестный край стихотворных чудес, если бы дети не удерживали за платье» [1, № 16, л. 12].

Образ родного края в письмах Елагиной формируется как комплекс ценностных ориентаций. Определяющим в нем является понятие «вместе». «Вместе» – это «крепкий, искренний союз», «твердая воля, и никакая сила не могла бы противустоять этому светлостому, неразрывному вместе!» [1, № 17, л. 11]. «Вместе», на языке Жуковского и Елагиной, а также их ближайших друзей, означает жить единой духовной семьей, «когда цель жизни не *свои* радости, не вос-

торги, не счастье земное, а благородное возвышенное усовершенствование, не для счастья, а для совести» [1, № 17, л. 8]. Эмблемой «вместе» – союза Жуковского, Маши Протасовой и Елагиной – был избран цветок клевера, запечатленный как символ на почтовой печатке Авдотьи Петровны и объясненный ею в письме 1839 г.: «Я третий листок нашего Kleeblatt» [2, № 107, л. 200]. Сравнение их дружбы, сердечной и вечной, с незатейливым полевым цветком значимо в эстетическом самоопределении, обнаруживающем глубокие сентиментальные истоки культуры.

Жуковскому в этом «вместе» отводилась особая роль: для Елагиной и ее окружения он был воплощением нравственности, личностью, овеянной Божьим благословением, а потому характеристика Жуковского в письмах Елагиной дается не только в прямых восторженных оценочных высказываниях, что так смущало и порой обременяло поэта, но чаще через антропологическую метафоризацию, закрепляющую мысль о соприродности души Жуковского со всем прекрасным на земле и с родным краем в частности. «В вашем Долбинском уголке, все ваше, Жуковский!» – пишет она в марте 1815 г. [1, № 16, л. 1], имея в виду не только возможность нового приезда поэта в Долбино в связи с осложнением ситуации в Муратово, но прежде всего гармонию атмосферы ее дома и души поэта. В ноябрьском письме этого же года Елагина, повторяя приглашение, включает в круг аргументов образ родного края:

«Приезжайте сюда! Ваше место здесь свято! Готовить нечего! Оно всегда первое! Ваши рощи, ваша милая Поэзия, ваша прелестная свобода, тишина, вдохновение и верные сердца, здесь все цело, все живет, – все вечно!» [1, № 17, л. 1].

Основанием духовного ансамбля, «Муратовской утопии», является семья. В каждом письме Елагиной ведется рассказ-отчет о жизни ее семьи, где Жуковский – «брат», «родной», где ему завещано заняться воспитанием детей в случае смерти Елагиной. Тема детства, воспитания чистоты и нравственности через приобщение детей к христианской вере и формирование подлинных знаний и образованности сообщает мотиву «родного края» смысл духовно-исторической субстанции. Естественно, что в связи с культом семьи одним из ключевых становится образ Дома. Образ спасающего человека Дома возникает на страницах писем Елагиной во всевозможных подробностях, которые в совокупности создают многомерный символ: дом – среда обитания семьи, кров, защита, родовое гнездо; дом – Родина; дом – хранилище культурных, религиозных, нравственных ценностей. Важно заметить, что накопление символического смысла не лишает образ конкретности и реальной живописности: это дом в жару и холод, дом, в котором переключаются печи, заполняют стихами альбомчики и нотные книги, в который приезжают гости, где болят и выздоравливают дети. Так, например, описывает Ела-

гина комнаты, предназначенные для Жуковского в новом долбинском доме: «Ваши сестры, ваши ребятишки, всем сердцем ваши, будут вас ждать с восторгом, будут каждую радостную мысль украшать надеждою будущего *вместе*, будут готовить ваши комнаты, устанавливать книги, в праздничные дни собираться в *вашу* горницу, чтобы бесценное ожидание наверно сделало из дел праздник. <...> Печи у меня теперь переделаны и будут греть; полы и окна к осени будут новые, крепкие; шкафы книжные не только не достигаемые для мышей, но, пожалуй, и для меня самой, буду глядеть на них с благоговением и книги воровать только по ночам» [1, № 16, л. 19 об.].

Нравственно-философский аспект мотива «родного края» как пространства красоты и вечности реализуется в письмах Елагиной различными способами. Чаще всего это изображение природы и уподобление ей естественности переживаний человека и его душевной жизни. Натурфилософский характер прозы Елагиной связан с руссоистской и русской сентиментальной традицией. Для писем ее характерна повышенная психологизация текста, богатая ритмическая организация, позволяющая через постоянные перемены в тональности повествования передавать в динамике процесс переживаний и органично возводить бытовые реалии в плоскость нравственно-философских проблем. Тому образец письмо от 1 мая 1815 г.:

«1 мая, 4 часа поутру, Долбино.

Сегодня праздник весны; магическое слово Май разбудило меня еще до солнца, надобно сказать несколько слов вам, милый Жуковский. Что-то у вас там? Где вы теперь встречаете прекрасный день? Не может быть, чтобы вам не было совершенно хорошо теперь, у меня на душе так неизъяснимо весело и спокойно! А ведь вы, за какие бы тысячи верст не ушли, не можете быть от меня далеко. – Милый брат, отчего же только моя бедная душа таскается всюду за вами, как тень забытая, за Хароном, за что вы не откликнетесь? После грустного письма 20 марта я не видала от вас ни строчки... <...> Но полно об этом! Сегодня можно смело оттолкнуть от себя на время хоть грусть и *пустить на ветер!* День тихий и ясный, может не принесет ничего назад! А прелестный этот воздух, майское светлое небо и любовь Божия везде и во всем, какой тьмы не развеют! <...> Милый друг, прекрасно все в жизни, *потому* что есть другой Мир! <...> А здесь пока какой свидетель утешительный! Какой верный друг! Какая везде любовь! Сколько прелестей в одной весенней природе! – Теперь мои все еще спят утренним сном, дети все загорели, здоровы и рады мне так, что даже наша Барбоска вчера продержала своими ручонками мою руку до тех пор, пока заснула и не свела ни на минуту с меня глаз. – Сестра, узнавши мое возвращение, приехала тотчас, несмотря на сумерки, и Аннета спит теперь подле меня, загороженная вашими голубыми ширмами, у меня отворено окно, солнце только что играет с свежим у-

ренным туманом, лягушки кричат, дожидаясь полного дня, листья на деревьях только что начинают развертываться, и все это так хорошо, так весело сердцу, что хотелось бы вам отдать это чувство, милый Жуковский...» [1, № 16, л. 8].

Процитированный выше отрывок из большого письма от 1 мая 1815 г. – классический образец прозы сентиментального характера. Начало письма – утверждение поэтической значимости обыкновенной домашней жизни, оно связано с описанием светлого чувства, навеянного ранним весенним утром в деревне. Уже во второй строке восторженное чувство автора письма осложняется потоком lamentаций, многократными вопросами, настроением неопределенности и неуверенности. Мажорная интонация почти исчезает в разговоре о тени Харона, о бесконечной разлуке, но вновь грустное чувство постепенно уступает «тихому», «ясному», «прелестному, светлому». Движение меняющегося настроения укоренено в тексте через систему соотношения состояний природы и человека: «прекрасный день», «прелесть в природе», «прелестный воздух» и «прекрасно все в жизни»; «утренний туман» и «утренний сон»; «день тихий и ясный» – «весело и спокойно на душе».

В лирических стихотворениях Жуковского образ «родного края» возникает как ответное эхо на письма Елагиной. В текст письма от 7 ноября 1816 г. он помещает два стихотворения. Первое из них «Там небеса и воды ясны...». Перед стихотворением Жуковский пишет:

«Все, что на милой родине, здравствуй! Я было начал давно стихи *к родине*, в подражание Шатобриану, вот одно начало: «*Ты*» есть, так сказать, Дуняша и вот что ей говорится:

Там небеса и воды ясны!  
Там песни птичек сладкогласны!  
О родина! Все дни твои прекрасны!  
Где б ни был я, но всё с тобой  
Душой! <...>» [3, с. 542].

Второе стихотворение «Легкий, легкий ветерок, / Что так сладко, тихо веешь?». В едином тексте переписки оно характерно прозрачностью структурообразующего принципа движущегося контраста в передаче меняющегося настроения; на семантическом уровне явна переключка стилистики писем Елагиной и поэзии Жуковского в описании, например, весеннего чувства:

Чем опять душа полна?  
Что опять в ней пробудилось?  
Что с тобою возвратилось,  
Перелетная весна!  
Я смотрю на небеса:  
Облака, летя, сияют,  
И, сияя, улетают  
За далекие леса! [3, с. 542].

Безусловно, что вслед за исследователями творчества Жуковского при анализе лирики поэта необходимо учитывать влияние литературной традиции, в

частности сентиментальной и предромантической, но в данном случае необычайно важным представляется подчеркнуть открывающуюся через эпистолярный близость эстетики и поэтики Жуковского и Елагиной, точно и конкретно отразившую тип воспитавшей их культуры, а также значение писем А.П. Елагиной, которые можно уподобить неиссякаемо бьющему источнику и питающему поэтическое вдохновение ее друга Жуковского.

При создании поэтического хронотопа «родного края» Елагина обращается к традиции античной идиллии. Чаще всего буколическая топика в сочетании с фольклорным элементом возникает при описании счастья молодой супружеской пары: Като (Екатерина Петровна Юшкова, сестра А.П. Елагиной) и Василия Ивановича Азбукина. В письме от 26 июня 1815 г. из Долбино Елагина пишет: «Надобно вам сказать что-нибудь об себе – о своих приключениях, которые все хотя не в знатностях и величиях обретаются, но ежели бы достало времени, можно бы раззолотить всеми возможными сияниями. Ведь говорят же *изумрудные луга, жемчужные капли* и прочие конфеты! А мне бы это великолепие было и кстати, потому что хотелось описать вам, как поживают наши Азбукины; как они закладывали новый дом; как я на всех надела венки из васильков и гирлянды, как подкладывала она цветы даже под ноги попу и всему его причту, как впустили сверчков, чтобы они *кричали в углу* и пр., и пр.» [1, № 16, л. 20].

Жизнь молодых Азбукиных в деревне Игнатьево Елагина называет «Аркадией под снегом» и подробно в сентиментально-идиллической манере описывает их житье: «Маленький их домик, только что построенный, без мебели, без всякого украшения, новое, совсем еще не заведенное хозяйство, и беззаботное, счастливое наслаждение! – Катошка моя таскает свое брюшко, смеется гримасам своего Амадиса, ходит из горницы в горницу, запирает и отпирает сама ящички с домашними припасами, вяжет свивальники, спорит о шахматах и поглядывает беспрестанно с милым взглядом на курносого героя. Она стала, слава Богу, гораздо здоровее, потолстела не только в талии, но и лицом, и милая эта надутая рожица, которая теперь чаще улыбается, трогает сердце своей веселостью» [1, № 17, л. 13].

На первый план подчеркнуто выносятся антиромантический по содержанию принцип поэтизировать самое обыкновенное: «Игнатьево тот есть маленький кастил в обетованной земле, о котором некоторые [листки] говорят будто она *terra incognita*! – Тут наши оба! – Тут наши оба ленивые отшельники без всяких хлопот доказывают, что ее отыскать можно, что она не так-то далеко в безвестном океане, как иные воображают, что она на твердой земле, что без компаса, без бурных ветров, без туч, без звезд и просто при светлом сиянии тихого солнца ее найдешь, да и то еще, подле себя!» [1, № 17, л. 13].

Очевидно обращение Елагиной к античной поэтике с целью воссоздания колорита патриархальности, в недрах которой сохраняются основы национальной духовной культуры. Этот аспект окажется принципиально важным для будущих славянофилов – братьев Киреевских. Однако сама Елагина была лишена крайностей славянофильской экзальтации, ей, как об этом писал хорошо знавший ее К.Д. Кавелин [4, с. 135–147], была открыта, как и Жуковскому, значимость европейской культуры для становления русского общества.

Тема деревенской утопии, Аркадии, идиллии, пенатов проходит через лирические стихотворения Жуковского. Тем значительнее, что в своих письмах он называет Елагину «сторожем моего лучшего добра». В ноябрьском письме 1818 г. после текста стихотворения «Минувших дней очарованье!» Жуковский пишет: «Это край – Чернь! Но в Долбине есть жилец говорящий, красноречивый, милый и которому много прекрасного спаслось и при котором оно живет, как в обетованном краю. Этому жильцу дай Бог долее пожить на этом свете, чтоб быть сторожем моего лучшего добра» [5, с. 27].

С утверждением принципов эстетики обыкновенного в ее сентиментально-поэтическом варианте связана мощная стихия юмора как утверждение молодости и радости мировосприятия, непосредственного выражения жизнелюбия и созидания. Письма Елагиной легко можно вписать в стилистику «Арзамаса» и долбинских стихотворений Жуковского. Елагина рекомендовала Жуковскому Долбино как «резиденцию и самый холодный край на земле», как «столицу галиматши», «одушевленный беспорядок в порядке», «вечную дремоту и пр., и пр., и пр., и пр., и пр., и пр., и пр., и пр.» [1, № 13, л. 1]. Ответная стихия комического пронизывает письма и стихотворные послания, пародии, шутки Жуковского.

С начала 1820-х гг., времени долгого пребывания в Москве, хронотоп «родного края» в письмах Елагиной пространственно раздвигается и включает в свои границы Москву и Подмоскovie (Архангельское). Теперь ансамблевый принцип распространяется на семейные гнезда внутри Москвы. Салоны Елагиных, Свербеевых становятся формой духовного общения интеллигенции 1830–40-х гг., о крае же детских лет Елагина будет писать с грустью: «А о старом пепелище и думать нечего! Племя молодое вьет себе гнезды на новых местах; да и нельзя требовать, чтобы они радовались нашей радостью и понимали наши печали: каждому свое!» [2, № 40, л. 40]. Теперь Москва станет центром большого «родного края», и отсюда Елагина настойчиво будет звать Жуковского на родину. В июле 1842 г. она пишет к нему в Дюссельдорф: «Наша Москва протягивает к вам родные объятия! То ли дело собраться в ней всем на зиму и за веселым камельком, в тихом кругу немногих, лелеять будущего малютку и воспитывать в нем любовь к родине и к добру» [2, № 106, л. 39].

Таким образом, письма А.П. Елагиной к Жуковскому, создаваемые в течение полувека, вобравшего в себя время повестей Карамзина, «Евгения Онегина», «Записок охотника» Тургенева, являются реальным культурно-историческим свидетельством и участником духовного развития русского общества. Мотив «родного края» аккумулировал в себе важнейшие аспекты проблемы героя русской жизни и вопросов эстетики. Воссозданная в письмах атмосфера дома, семьи, культуры, оказавших огромное влияние на воспитание братьев Киреевских, оказывается важнейшим документом для характеристики процесса формирования типа личности из русской дворянской интеллигенции середины XIX в.

Для Жуковского переписка с Елагиной являла собой одну из связующих нитей с родиной, одним из реальных истоков его поэтического мироощущения. По письмам Елагиной видно, как в недрах русской

культуры и общества, на уровне духовно-бытового общения, шла выработка стиля русского романа. Не случайно на страницах ее писем обозначены мотивы и образы будущих русских романов: эпического полотна об обломовском житии в деревне и столице, истории становления детской души в кругу родной семьи и русской природы в произведениях Толстого и Аксакова, лирически проникновенного рассказа о драме любви в повестях и романах Тургенева. Знаменательно, что «Записки охотника», предвосхищающие открытия русской прозы второй половины XIX в., типологически близки письмам Елагиной: тот же «милый край родины» – калужские, орловские места, та же эстетическая установка на поэтизацию обыкновенного и та же лиро-эпическая структура эпоса и сокровенной исповедальности.

Исследование поддержано грантом РГНФ № 04-04-00295а.

### Литература

1. ОР РГБ. Ф. 104 (Елагиных). Картон VII.
2. ОР РГАЛИ. Ф. 198 (В.А. Жуковского). Оп. 1.
3. Русская старина. 1883. № 9.
4. Кавелин К.Д. Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х годов XIX века. Люди и идеи. М., 1989.
5. Уткинский сборник. М., 1904.